

ЦИЦЕРОН И СЕНЕКА О СТРАСТЯХ И ПОРОКАХ

С. С. ДЕМИНА

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ist-drev@yandex.ru

SVETLANA DEMINA

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Russia)

CICERO AND SENECA ON PASSIONS AND VICES

ABSTRACT. This article investigates Cicero's and Seneca's thoughts about passions and vices (their definitions, origins of emotions and vices, correlation of these concepts, and their correlation with a concept "illness"). Though the Stoics greatly influenced Cicero, and Seneca was a staunch adherent of Stoicism, their thoughts about passions and vices have more distinctions than similarities. The positions of these philosophers on the problems of the variability of vices, their origins and the relationship with the passions, the correlation of the terms "vitia" and "morbi"/"animi morbi" are contrary.

KEYWORDS: Ancient Rome, Cicero, Seneca, Stoicism, passions, emotions, vices.

Поиск путей нравственного совершенствования общества, борьбы с пороками и обуздания страстей, негативно отражающихся на разуме и поведении человека, волновали многих античных мыслителей, в числе которых были Цицерон и Сенека Младший. Известно, что на мировоззрение Цицерона в значительной степени повлиял стоицизм¹, а его взгляды, как считают некоторые специалисты, оказали, в свою очередь, определенное воздействие на Сенеку², которого считают одним из выдающихся римских философов-стоиков. В связи с этим целью данной статьи являются характеристика и сравнение представлений этих двух мыслителей о страстях и пороках. Их анализ

¹ См. Утченко 1972, 29; Moreschini 1979, 133–136; Strange 2004, 33; Konstan 2006, 149; Graver 2007, 10, 12.

² Strange 2004, 33; Stacey 2014, 139.

позволит лучше понять системы этических взглядов Цицерона и Сенеки, раскрыть их специфические черты, расширяя тем самым научное знание о древнеримской философии.

Оценивая степень изученности заявленной темы, можно отметить несколько важных моментов. Во-первых, со второй половины XX века до настоящего времени интерес специалистов к представлениям Цицерона и Сенеки об эмоциях неуклонно растет. Исследователи, занимающиеся данной проблематикой, рассматривали такие вопросы, как определение страстей, их видовое разнообразие и удаленность от разума³, оказываемое ими пагубное воздействие не только на поведение человека, но и на политическую жизнь общества и даже на взаимоотношения с другими народами и государствами⁴, а также обоснование необходимости бороться с эмоциями и способы этой борьбы⁵. Отмечалось, что отношение Цицерона и Сенеки к проявлению эмоций в политической сфере совпадало, хотя они предпочитали разные термины для их обозначения (в трудах Цицерона чаще встречается термин «*perturbationes*», а в сочинениях Сенеки – «*adfectus*»), и Сенека в отличие от Цицерона приписывал гневу доминирование над другими чувствами⁶. Во-вторых, в научной литературе представления этих римских мыслителей о пороках не сравнивались, они изучались по отдельности, при этом больше внимания было уделено Цицерону. Анализируя взгляды этого римского мыслителя I в. до н. э., К. Й. Классен указывает на весьма внушительный список пороков, упоминавшихся им⁷. Представлениям Цицерона об отдельных пороках посвящены статьи А. М. Браговой⁸. По словам О. А. Шалимова, Сенека

³ См., напр., Ioppolo 1972, 262–264; Boal 1973, 45; Manning 1976, 303; Moreschini 1979, 133–136; Fortenbaugh 1988, 270, 272; Sorabji 2000, 61–63; Erskine 2003, 8; Konstan 2006, 149; Vogt 2006, 65, 70; Graver 2007, 65; Prescendi 2008, 298–299; Remer 2013, 403, 412–413; Демина 2015, 15, 18; Enekel 2015, 67; Pajón Leyra 2018, 13–14; Демина 2020, 18–20.

⁴ См. Wood 1968, 12; Nussbaum 1994, 412; Inwood 2000, 59; Шалимов 2000, 41, 52–53; Arena 2007, 55; van Hoof 2007, 65–66; Демина 2015, 15, 17; Pajón Leyra 2018, 19, 21–23; Демина 2020, 18–20.

⁵ См. Boal 1973, 50; Rosivach 1995, 96; Шалимов 2000, 46; Erskine 2003, 10; van Hoof 2007, 68, 71, 80; Vaars 2012, 116; Демина 2015, 16–17; Enekel 2015, 66, 68; Pajón Leyra 2018, 13–14; Демина 2020, 19, 20.

⁶ Демина 2020, 20–21.

⁷ Classen 2010, 222, 228.

⁸ См. Брагова 2017а, 34–37; Брагова 2017б, 28–31; Брагова 2018, 727–734; Брагова 2019, 1–4.

понимал порок как «следствие душевного нездоровья»⁹. Исследователь затрагивает вопрос о пороках в рамках анализа образа идеального правителя, разработанного стоиком¹⁰, а Г. П. Медведева – в ходе изучения его взглядов о благодеяниях¹¹. С. Е. Фишер обращает внимание на то, что, с точки зрения этого римского философа, человек порочен не от природы, а возникают пороки от дурных мнений, которые через молву влияют на людей, способствуя распространению порочности¹². В-третьих, сравнительная характеристика представлений Цицерона и Сенеки о страстях и пороках не была предметом отдельного исследования, а по вопросу о соотношении обоих понятий в сочинениях каждого из этих римских мыслителей по отдельности в научной литературе имеются лишь весьма краткие высказывания, в основном относящиеся к какой-либо конкретной эмоции. Так, понятие «libido» у Цицерона одни исследователи относят к порокам¹³, а другие – к «душевному волнению» («perturbationes»), то есть к страстям, эмоциям¹⁴. Гнев, причислявшийся этим мыслителем I в. до н. э. к разряду «libido» в рамках более широкого понятия «perturbationes»¹⁵, А. М. Брагова называет «худшим из пороков»¹⁶. Вопрос о соотношении пороков и эмоций в представлениях Сенеки исследователи затрагивали лишь при изучении его отношения к гневу, единодушно отмечая, что он называл его страстью (adfectus) и пороком (vitium)¹⁷.

Резюмируя изложенное выше, можно констатировать отсутствие отдельного исследования, посвященного сравнительному анализу представлений Цицерона и Сенеки о соотношении эмоций и пороков, с одной стороны, а также фрагментарную степень изученности частных вопросов по данной теме и дискуссионный характер выводов специалистов, с другой. Эти обстоятельства позволяют предпринять попытку рассмотреть взгляды этих римских мыслителей с целью их сравнения.

Цицерон чаще всего обозначает эмоции термином «perturbationes» (волнения) или выражением «perturbationes animi» (душевные волнения). Они для него являются основными в процессе размышления о страстях, поэтому именно их он использует в дефинициях и классификации эмоций (Cic. Tusc.

⁹ Шалимов 2000, 43.

¹⁰ Шалимов 2000, 40–61.

¹¹ Медведева 2016, 142.

¹² Fischer 2008, 29–30. См. также: Демина 2022, 203.

¹³ Classen 2010, 222; Брагова 2017b, 29.

¹⁴ Moerschini 1979, 135–136.

¹⁵ Демина 2015, 15.

¹⁶ Брагова 2018, 732.

¹⁷ van Hoof 2007, 65; Pajón Leyra 2018, 13–14.

disp. III. 7, 9, 23, 24, 27, IV. 10, 11). Довольно часто в его сочинениях для их обозначения встречаются также слово «*motus*» (волнения) и словосочетание «*motus animi*»/«*motus animorum*» (движения души, душевные волнения) (Cic. De orat. II. 185, 189, 191, 209, 337, III. 220; Tusc. disp. III. 7, 11, IV. 65; Top. 86). В очень редких случаях он употребляет такие выражения, как «*permotiones animi*» (движения души, душевные волнения) (Cic. De orat. II. 185), «*seditio animi*» (возмущение души, раздражение души) (Cic. De rep. I. 60), «*commotiones animorum*» (движения души, душевные волнения) (Cic. Tusc. disp. IV. 61).

Характеризуя сущность страстей и классифицируя их, Цицерон в основном следует за стоиками (Ibid. IV. 11), хотя и критикует их за недостаточную разработку вопроса об исцелении души от волнений (Ibid. IV. 9).

В определениях и характеристиках страсти, содержащихся в сочинениях этого мыслителя I в. до н. э., акцент ставится на разные аспекты этого феномена. В одних внимание обращается лишь на источники происхождения страсти, которыми являются представления и легкомысленные суждения о благе и зле, а не природа (Cic. De fin. III. 35; Tusc. disp. III. 24; IV. 11, 14)¹⁸. Другие подчеркивают удаленность эмоции от разума (Cic. Tusc. disp. III. 7; IV. 61)¹⁹. Третьи отражают состояние духа (Ibid. III. 7), в том числе в связи с источником возникновения страсти (Ibid. IV. 11) или с его неподчинением разуму (Cic. De off. I. 136)²⁰. Кроме того, есть два более полных определения, включающих

¹⁸ Cic. De fin. III. 35: «... *perturbationes autem nulla naturae vi commoventur, omnique ea sunt opiniones ac iudicia levitatis...*» («... но волнения никакой силой природы не вызываются, и все они – это представления и легкомысленные суждения...»); Tusc. disp. III. 24: «*Est igitur causa omnis in opinione nec vero aegritudinis solum, sed etiam reliquarum omnium perturbationum...*» («Следовательно, причина всего во мнении, даже не только печали, но и всех остальных волнений»); Ibid. IV. 11: «*partis autem perturbationum volunt ex duobus opinatis bonis nasci et ex duobus opinatis malis, ita esse quattuor...*» («Но считают, что группы волнений возникли от двух воображаемых благ и от двух воображаемых зол, следовательно, четыре (рода)...»); Ibid. IV. 14: «*Sed omnis perturbationes iudicio censent fieri et opinione...*» («Но полагают, что все волнения рождаются суждением и представлением...»). Здесь и далее перевод с латинского языка на русский выполнен автором статьи.

¹⁹ Cic. Tusc. disp. III. 7: «... *haec omnia morbos Graeci appellant, motus animi rationi non obtemperantis...*» («... все это греки именуют недугами, движениями духа, не подчиняющегося разуму...»); Ibid. IV. 61: «... *commotiones animorum a recta ratione aversas esse vitiosas...*» («... движения души, отвернувшиеся от здравого рассудка, порочны...»).

²⁰ Cic. Tusc. disp. III. 7: «...*nos autem hos eosdem motus concitati animi... perturbationes dixerimus...*» (но мы эти же самые движения возбужденного духа... назовем

как происхождение эмоции, так и ее непокорность разуму (Cic. Tusc. disp. III. 24; IV. 11)²¹. Наконец, одна весьма краткая дефиниция раскрывает влияние страсти на бедственное положение охваченного ею человека (Ibid. III. 27)²². Сравнение этих определений позволяет утверждать, что, рассматривая эмоцию под разными углами зрения, Цицерон все же считает наиболее важными аспектами ее происхождение и удаленность от разума. Сам он не пытается собрать все характеристики воедино, обобщить дефиниции, но становится очевидным, что, в его понимании, страсть – это сильное движение духа, возбужденного представлениями о благе и зле и отвернувшегося от разума, которое приносит человеку несчастья.

Несмотря на то, что в стоических определениях, которые Цицерон приводит в своих сочинениях, подчеркивается, что эмоции не порождаются природой (Cic. De fin. III. 35; Tusc. disp. IV. 11), все же он отмечает, что у разных людей есть склонность (*proclivitas*) к разным *perturbationes* (Cic. Tusc. disp. IV. 27–28). Это обстоятельство позволяет утверждать, что римский мыслитель I в. до н. э. приблизился к идее о естественных эмоциональных различиях людей, хотя и не сформулировал ее четко.

Порок обозначается у Цицерона термином «*vitium*». Близкими к нему, однопорядковыми, но не синонимичными являются термины «*peccatum*» (проступок, грех) (см. Cic. Tusc. disp. III. 4: «*peccatorum vitiorumque laudatrix*») и «*malitia*» (порочность) (см. Cic. De fin. III. 39: «*vitia malo quam malitias nominare*»).

волнениями...»); Ibid. IV. 11: «... *perturbationem esse adpetitum vehementiorem, sed vehementiorem eum volunt esse, qui longius discesserit a naturae constantia*» («... считают, что волнение – это более сильное влечение, но оно более сильное, то есть отклонившееся дальше от постоянства природы»); De off. I. 136: «... *rectissime praecipitur ut perturbationes fugiamus, id est motus animi nimios rationi non obtemperantis*» («... очень правильно советуют, чтобы мы избегали волнений, то есть слишком сильных волнений духа, не подчиняющегося разуму»).

²¹ Cic. Tusc. disp. III. 24: «... *omnis perturbatio sit animi motus vel rationis expers vel rationem aspernans vel rationi non oboediens, isque motus aut boni aut mali opinione citetur*» («... всякое волнение – это движение духа, или не причастного разуму, или возмущающее разум, или непокорное разуму, и это движение представлением либо о благе, либо о зле вызвано»); Ibid. IV. 11: «... *perturbatio sit... aversa a recta ratione contra naturam animi commotio*» («... волнение – это... движение духа, отвернувшееся от здравого рассудка, вопреки природе»).

²² Cic. Tusc. disp. III. 27: «... *omnis perturbatio miseria est*» («... всякое волнение – это несчастье»).

Порок определяется Цицероном менее четко, чем страсть. Противопоставляя его добродетели (*virtus*), этот римский мыслитель I в. до н. э. рассматривает его как то, «что... является предосудительным само по себе» («*quod... vituperabile est per se ipsum*»: Ibid. III. 40) и порождает постыдные действия (*turpes actiones*: Ibid. III. 39), ибо, как в добродетели заключено все достойное (*honesta*), так в пороках – все постыдное (*turpia*) (Cic. De leg. I. 44).

В качестве источников пороков Цицерон называет природную предрасположенность души к тем или иным *vitia*²³ и вину (*culpa*) самих людей, «чьи пороки состоят из ложных представлений о хороших делах и плохих» («*eorum vitia constant e falsis opinionibus rerum bonarum et malarum*»: Cic. Tusc. disp. IV. 81). Кроме того, он обращает внимание на народную молву (*fama popularis*), потворствующую порокам и даже зачастую одобряющую их, и лесть (*adsentatio*) (Ibid. III. 4; Lael. 89), которые способствуют укоренению пороков в душе человека и их распространению в обществе.

Обобщая, можно заключить, что, с точки зрения этого мыслителя, порок – это склонность к постыдному, проявляющаяся в поступках, достойных порицания, и усиливающаяся при потворстве и одобрении со стороны общественного мнения и льстецов из ближайшего окружения человека.

Сопоставление тех характеристик, которые Цицерон дает страстям и порокам, обнаруживает очевидную близость двух данных понятий. Однако абсолютного совпадения их смыслов все же нет, «ибо пороки – это состояния, остающиеся без изменений, волнения же – изменяющиеся, так что (они) не могут быть частями неизменных состояний» («*vitia enim adfectiones sunt manentes, perturbationes autem moventes, ut non possint adfectionum manentium partes esse*»: Cic. Tusc. disp. IV. 30)²⁴. Из этих слов Цицерона логично было бы заключить, что термин «*adfectus*» является у него общим (родовым) обозначением эмоций и пороков, однако в их определениях он им не оперирует.

Отдельно хотелось бы остановиться на проблеме соотношения во взглядах Цицерона понятий болезни, страсти и порока. К. Морескини и М. Р. Гравер указывают на то, что этот римский мыслитель оспаривал целесообразность употребления термина «*morbi*» (болезни, недуги) применительно к эмоциям²⁵. А. М. Иопполо утверждает, что он четко разграничивал болезнь

²³ Cic. Tusc. disp. IV. 81: «... ut optima quisque valetudine adfectus potest videri natura ad aliquem morbum proclivior, sic animus alius ad alia vitia propensior» («... как всякий, (кто) кажется наделенным отличным здоровьем, может от природы быть более склонен к какой-либо болезни, так одна душа более расположена к одним порокам, (а другая – к другим)»).

²⁴ Об изменчивости страстей см. также: Cic. Tusc. disp. IV. 24.

²⁵ Moreschini 1979, 134; Graver 2007, 141.

(как постоянное состояние) и страсть (как живое, быстро меняющееся явление) и полагал, что страсти вызывают болезни и недомогания²⁶.

Цицерон, действительно, высказывает неоднократно сомнение в том, что термин «*morbi*» является подходящим для характеристики всех эмоций (Cic. De fin. III. 35; Tusc. disp. III. 7, 23, IV. 10). К недугам души (*animi morbi*), по мнению римского мыслителя, относятся не все страсти, а лишь «безмерные и пустые желания богатства, славы, господства, также разнузданных удовольствий, ... печаль, досада, скорби, которые подавляют души и изнуряют заботами» (Cic. De fin. I. 59)²⁷. Однако он отмечает, что термин «*morbi*» не соответствует понятиям милосердия (*miser cordia*), гневливости (*iracundia*) (Ibid. III. 35), влечения (*libido*), неумеренной радости (*inmoderata laetitia*) и страха (*metus*) (Cic. Tusc. disp. III. 23). Необходимо заметить, что в произведениях Цицерона четкий критерий деления страстей на отождествляемые и не отождествляемые с болезнями души отсутствует. Пороки (*vitia*) же он не относит к болезням (*morbi*) и недомоганиям (*aegrotationes*), утверждая, что пороки можно уничтожить намного быстрее, чем излечиться (Ibid. IV. 32).

Рассмотрим, как решает те же вопросы Сенека.

Страсти (*adfectus*) римский стоик определяет как «душевные волнения, не заслуживающие одобрения, внезапные и сильные» («*motus animi improbabiles, subiti et concitati*»: Sen. Epist. LXXV. 12). Он не дает их классификацию, но отмечает доминирующее положение гнева (Sen. De ira. II. 36. 6). Как и Цицерон, Сенека полагает, что люди отличаются предрасположенностью к той или иной страсти: один по своей натуре может быть боязлив (*timidus*) (Sen. De benef. IV. 27. 1), у другого душа более склонна к гневливости (*iracundia*) (Sen. De ira. II. 19. 1). Любая эмоция, на его взгляд, «от какого-то почти естественного начала происходит» («*a quodam quasi naturali fluere principio*»: Sen. Epist. CXVI. 3). Если не бороться со страстями, то они возникают все чаще, развиваются и, находясь в запущенном состоянии, порождают пороки (*vitia*), которые этот философ также называет болезнями (*morbi*) (Ibid. LXXV. 12, LXXXV. 10, CXVI. 3). Его идея о том, что эмоции – это причины пороков, позволяет полагать, что термины «*adfectus*» и «*vitia*» у него не являются синонимичными. Однако, согласно Сенеке, гнев – это и *adfectus*, и *vitium* (Sen. De ira. III. 1. 3–5, 2. 2). Римский стоик выделял его особым образом, отмечая его отличия от остальных страстей и пороков (см.: Ibid. I. 1. 1, III. 1. 3–5). Очевидно,

²⁶ Ioppolo 1972, 254.

²⁷ Cic. De fin. I. 59: «*cupiditates immensae et inanes divitiarum, gloriae, dominationis, libidinosarum etiam voluptatum; ... aegritudines, molestiae, maerores, qui exedunt animos conficiuntque curis*».

именно признание уникальности гнева побудило этого мыслителя посвятить ему отдельное произведение под названием «О гневе».

«Болезни души» (*morbi animi*) Сенека характеризует как «застарелые и тяжкие пороки» (*inveterata vitia et dura*), «мнение, упорствующее в (своей) извращенности» (*iudicium in pravo pertinax*) (Sen. Epist. LXXV. 11). Философ подчеркивает, что пороки не являются врожденными (Ibid. XCIV. 55–56), они враждебны природе (Ibid. L. 8). Возникнув в человеке, они активно развиваются (Ibid. CXVI. 2), оказывая негативное воздействие не только на душу (*animus*), но и на ум (*ingenium*) (Ibid. CXIV. 3), поэтому крайне важно бороться с ними. Эволюционируя, пороки обнаруживают многообразие своих признаков (*proprietas*), «они различны, имеют бесчисленные формы, их виды нельзя постичь» (*varia sunt, innumerabiles habent facies, conprendi eorum genera non possunt*): Ibid. CXXII. 17), а значит, и невозможно их классифицировать.

Развитие и распространение пороков, как полагает Сенека, не связаны с воздействием природы, но в них виновны сами люди (Ibid. XLI. 9). В процессе воспитания, социализации, через наглядные примеры суждений и моделей поведения, через их одобрение и порицание со стороны большинства человек усваивает ложную, ошибочную, влекущую к порокам систему ценностей, которую общественное мнение навязывает ему в любом возрасте как единственно правильную²⁸. С точки зрения этого римского стоика, человеку необходимо бороться с собственными страстями и пороками, самосовершенствоваться, общаться с хорошими людьми, достойными подражания, ориентировать свою душу на постижение и достижение добродетели, ибо каждый сам является творцом своих нравов (*sibi quisque dat mores*): Ibid. XLVII. 15).

Сопоставляя представления Цицерона и Сенеки о страстях и пороках, можно выявить как общие, так и отличительные черты. Оба мыслителя понимали страсть как душевное движение, волнение; отмечали изменчивость как ее неотъемлемое свойство; заявляли о наличии у разных людей склонности к различным страстям; фактором, способствующим укоренению пороков в душе человека и их распространению в обществе, считали влияние людей друг на друга, осуществляемое через общественное мнение. Если для обозначения эмоции они использовали разные термины, то, размышляя о пороке, употребляли одно и то же слово – *vitium*.

²⁸ Подробнее см. Демина 2022, 200–206.

Определений страстей Цицерон, вслед за стоиками, дает несколько, акцентируя внимание в основном на их происхождении и удаленности от разума. В единственной же дефиниции у Сенеки отмечаются негативное отношение к эмоциям и две их черты (внезапность и сила). Разработанную стоиками более раннего периода и поддержанную Цицероном классификацию страстей он не принял, но отмечал особое положение гнева, считая его как эмоцией, так и пороком. Проблема источников страстей у обоих мыслителей продумана не достаточно хорошо. Так, Цицерон категорично отрицает их природное происхождение, но в то же время отмечает, что существует склонность к той или иной страсти. Сенека же пишет о «каком-то почти естественном начале» (Sen. Epist. CXVI. 3).

По некоторым вопросам эти римские философы придерживаются полностью противоположных точек зрения. Если, согласно Цицерону, пороки неизменны, то, по мнению Сенеки, они, напротив, постоянно развиваются, изменяются, приобретают многообразные формы и виды. Размышления об источниках пороков и их связи со страстями также приводят этих мыслителей к различным выводам. Цицерон объясняет возникновение пороков природной предрасположенностью к какому-то *vitiū* и виной самих людей с их ложными представлениями. Страсти, на его взгляд, частями пороков не являются. Сенека же утверждает, что не природа, а именно *adfectus* порождают *vitia*. Наконец, кардинально отличаются и позиции обоих мыслителей по проблеме соотношения терминов «*morbi*» / «*animi morbi*» (болезни / болезни души) и «*vitia*» (пороки). Для Сенеки они синонимичны. Цицерон же не называет пороки «болезнями», но считает, что выражение «*animi morbi*» допустимо применять к таким страстям, как желание, печаль, досада, скорбь.

Таким образом, хотя представления Цицерона об эмоциях сформировались под сильным влиянием ранних стоиков, а Сенека был убежденным приверженцем стоической философии, их взгляды о страстях и пороках имеют меньше общих черт, чем отличий, в том числе весьма существенных.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брагова, А. М. (2017a) «Цицерон о наслаждении», *Juvenis scientia* 7, 34–37.
 Брагова, А. М. (2017b) «Понятие *libido* в оценке Цицерона», *Juvenis scientia* 8, 28–31.
 Брагова, А. М. (2018) «Содержание Цицероновского понятия *iracundia*», *Бюллетень науки и практики* 4.5, 727–734. <https://www.bulletennauki.ru/> (дата обращения: 25.12.2022).
 Брагова, А. М. (2019) «Понятие *ambitio* в трудах Цицерона», *Ученые записки Новгородского государственного университета* 4, 1–4. <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1544020> (дата обращения: 25.12.2022).

- Демина, С. С. (2015) «Гнев и политико-правовая жизнь римского общества в представлениях Цицерона», А. А. Конопленко, ред. *Историческая психология государственного управления 2*. Саратов, 14–20.
- Демина, С. С. (2020) «Представления Цицерона и Сенеки о политике и эмоциях», *Вестник Пермского университета. Сер. История 2*, 17–23.
- Демина, С. С. (2022) «Сенека о влиянии общественного мнения на сознание и поведение», *Проблемы истории, филологии, культуры 1*, 200–206.
- Медведева, Г. П. (2016) «Идеи помощи человеку в трактате Луция Аннея Сенеки «О благодеяниях», *Социальная политика и социология 15.1*, 136–144.
- Утченко, С. Л. (1972) «Две шкалы римской системы ценностей», *Вестник древней истории 4*, 19–33.
- Шалимов, О. А. (2000) *Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I-го – начале II века н. э.* Москва.
- Arena, V. (2007) «Invocation to Liberty and Inveective of Dominatus at the End of the Roman Republic», *Bulletin of the Institute of Classical Studies 50*, 49–73.
- Baars, J. (2012) *Aging and the Art of Living*. Baltimore.
- Baiter, J. G., Kayser, C. L., ed. (1860) *M. Tullii Ciceronis opera quae supersunt omnia*. Vol. II. Lipsiae.
- Baiter, J. G., Kayser, C. L., ed. (1863) *M. Tullii Ciceronis opera quae supersunt omnia*. Vol. VI. Lipsiae.
- Baiter, J. G., Kayser, C. L., ed. (1864) *M. Tullii Ciceronis opera quae supersunt omnia*. Vol. VII. Lipsiae.
- Baiter, J. G., Kayser, C. L., ed. (1865) *M. Tullii Ciceronis opera quae supersunt omnia*. Vol. VIII. Lipsiae.
- Boal, S. J. (1973) «Doing battle with grief: Seneca, Dialogue 6», *Hermathena 116*, 44–51.
- Classen, C. J. (2010) *Aretai und Virtutes: Untersuchungen zu den Wertvorstellungen der Griechen und Römer*. Berlin.
- Enenkel, K. A. E. (2015) «Neo-Stoicism as an Antidote to Public Violence before Lipsius's De constantia: Johann Weyer's (Wier's) Anger Therapy, De ira morbo (1577)», K. A. E. Enenkel, A. Traninger, ed. *Discourses of Anger in the Early Modern Period*. Leiden, Boston, 49–96.
- Erskine, A. (2003) «Cicero and the Shaping of Hellenistic Philosophy», *Hermathena 175*, 5–15.
- Fischer, S. E. (2008) *Seneca als Theologe: Studien zum Verhältnis von Philosophie und Tragödiendichtung*. Berlin.
- Fortenbaugh, W. W. (1988) «Benevolentiam conciliare and animos permovere: Some remarks on Cicero's De oratore 2.178–216», *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric 6.3*, 259–273.
- Graver, M. R. (2007) *Stoicism and Emotion*. Chicago and London.
- Haase, F., ed. (1862) *L. Annaei Senecae opera quae supersunt*. Vol. I. Lipsiae.
- Haase, F., ed. (1877) *L. Annaei Senecae opera quae supersunt*. Vol. II. Lipsiae.
- Haase, F., ed. (1878) *L. Annaei Senecae opera quae supersunt*. Vol. III. Lipsiae.
- Inwood, B. (2000) «The Will in Seneca the Younger», *Classical Philology 95.1*, 44–60.

- Ioppolo, A. M. (1972) «La dottrina della passione in Crisippo», *Rivista critica di storia della filosofia* 27.3, 251–268.
- Konstan, D. (2006) «The Concept of “Emotion” from Plato to Cicero», *Méthexis* 19, 139–151.
- Manning, C. E. (1976) «Seneca’s 98th Letter and the Praemeditatio futuri mali», *Mnemosyne* 29.3, 301–304.
- Moreschini, C. (1979) «Osservazioni sul lessico filosofico di Cicerone», *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia. Serie III* 9.1, 99–178.
- Nussbaum, M. C. (1994) *The Therapy of Desire: Theory and Practice in Hellenistic Ethics*. Princeton.
- Pajón Leyra, I. (2018) «Irracionalidad, barbarie y violencia en el De ira de Séneca: una lectura política», *Revista Anales del Seminario de Historia de la Filosofía* 35.1, 11–25.
- Prescendi, F. (2008) «Le deuil à Rome: mise en scène d’une émotion», *Revue de l’histoire des religions* 225.2, 297–313.
- Remer, G. (2013) «Rhetoric, Emotional Manipulation, and Political Morality: The Modern Relevance of Cicero vis-à-vis Aristotle», *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric* 31.4, 402–443.
- Rosivach, V. J. (1995) «Seneca on the Fear of Poverty in the Epistulae Morales», *L’Antiquité Classique* 64, 91–98.
- Sorabji, R. (2000) *Emotion and Peace of Mind. From Stoic Agitation to Christian Temptation*. Oxford.
- Stacey, P. (2014) «The Princely Republic», *The Journal of Roman Studies* 104, 133–154.
- Strange, S. K. (2004) «The Stoics on the Voluntariness of the Passions», S. K. Strange, J. Zupko, ed. *Stoicism: Traditions and Transformations*. Cambridge, 32–51.
- van Hoof, L. (2007) «Strategic Differences: Seneca and Plutarch on Controlling Anger», *Mnemosyne* 60.1, 59–86.
- Vogt, K. M. (2006) «Anger, Present Injustice and Future Revenge in Seneca’s De Ira», K. Volk, G. D. Williams, ed. *Seeing Seneca Whole: Perspectives on Philosophy, Poetry and Politics*. Leiden, 57–74.
- von Ziegler, K., ed. (1979) *Cicero. Staatstheoretische Schriften*. Lateinisch und Deutsch. Berlin.
- Wood, N. (1968) «Some Common Aspects of the Thought of Seneca and Machiavelli», *Renaissance Quarterly* 21.1, 11–23.

References in Russian:

- Bragova, A. M. (2017a) «TSitseron o naslazhdenii», *Juvenis scientia* 7, 34–37.
- Bragova, A. M. (2017b) «Ponyatie libido v otsenke TSitserona», *Juvenis scientia* 8, 28–31.
- Bragova, A. M. (2018) «Soderzhanie TSitseronovskogo ponyatiya iracundia», *Byulleten’ nauki i praktiki* 4.5, 727–734. <https://www.bulletennauki.ru/> (accessed: 25.12.2022).
- Bragova, A. M. (2019) «Ponyatie ambitio v trudakh Tsitserona», *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* 4, 1–4. <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes/i-1.1086055/?id=1544020> (accessed: 25.12.2022).
- Demina, S. S. (2015) «Gnev i politico-pravovaya zhizn’ rimskogo obshchestva v predstavleniyakh Tsitserona», A. A. Konoplenko, ed. *Istoricheskaya psikhologiya gosudarstvennogo upravleniya* 2. Saratov, 14–20.

- Demina, S. S. (2020) «Predstavleniya TSitserona i Seneki o politike i emotsiyakh», *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya* 2, 17–23.
- Demina, S. S. (2022) «Seneca o vliyaniy obshchestvennogo mneniya na soznanie i povedenie», *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1, 200–206.
- Medvedeva, G. P. (2016) «Idei pomoshchi cheloveku v traktate Lutsiya Anneya Seneki “O blagodeyaniyakh”», *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* 15.1, 136–144.
- Utchenko, S. L. (1972) «Dve shkaly rimskoi sistemy tsennostei», *Vestnik drevnei istorii* 4, 19–33.
- SHalimov, O. A. (2000) *Obraz ideal'nogo pravatelya v Drevnem Rime v seredine I-go – nachale II veka n. e.* Moskva.